

Австралийская сыщица-любитель

Живи и дай поесть

Моргана Бест

Австралийская сыщица-любитель

Моргана Бест

Живи и дай поесть

«Cowper Publishing»

Бест М.

Живи и дай поесть / М. Бест — «Cowper Publishing»,
— (Австралийская сыщица-любитель)

ISBN 978-3-912281-39-2

После мучительного развода Сибил Поттс решает сбежать от столичной суеты в Литтл-Таттерфорд — крошечный городок посреди австралийской глуши. Тишина и покой — вот всё, о чём она мечтает. Но не успевает Сибил распаковать чемоданы, как в соседнем пансионе происходит убийство. Расследование ведёт привлекательный, но невыносимо раздражённый полицейский Блейк Уэсли — и они с Сибил явно не сходятся характерами. А когда Сибил сама едва не становится следующей жертвой, ей ничего не остаётся, как взять расследование в свои руки...

ISBN 978-3-912281-39-2

© Бест М.

© Cowper Publishing

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

МОРГАНА БЕСТ ЖИВИ И ДАЙ ПОЕСТЬ

АВСТРАЛИЙСКАЯ СЫЩИЦА-ЛЮБИТЕЛЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

АВТОРСКОЕ ПРАВО

ЖИВИ И ДАЙ ПОЕСТЬ

Книга 1. Австралийская Сыщица-Любитель

Перевод с английского: Ingolby International

Дизайн обложки: Сара Андерсон

Возрастная маркировка: 16+

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

© Morgana Best, 2025

© Ingolby International, перевод на русский язык, 2026

© Cowper Publishing, издание на русском языке, 2026

ISBN 978-3-912281-39-2

Издательство: Cowper Publishing Berlin, Germany E-mail: publisher@cowperpublishing.com

Дата подписания в печать: 21.10.2025

Глава 1

Я остановилась у ограды из необтёсанного камня, глубоко вдохнула и провела пальцами по пушистому жёлтому мху, расплзшемуся паутиной по обветренной кладке.

Передо мной раскинулся бескрайний, выжженный солнцем простор – совсем другой мир, ничего общего с бетонными джунглями Сиднея. Ни автомобильных гудков – только жалобный скрип древнего ветряка да громкие крики кукабарр, ссорившихся из-за добычи. Оставалось надеяться, что добыча – не ядовитая змея: кукабарры, как известно, могут выронить её, пока ссорятся.

И пусть воздух здесь был явно чище городского, у любопытных коров, глазевших на меня поверх ограды, был свой аромат – и весьма забористый. Я отмахнулась от здоровенной мясной мухи: оставив коров в покое, она теперь жужжала у меня над головой. Смогу ли я вообще привыкнуть к жизни в глубинке?

Впрочем, выбора у меня не было: из Сиднея пришлось уехать. Развод оставался свежей раной, саднившей при каждом воспоминании. И всё же день ото дня мне становилось чуточку легче. Я никак не могла понять, почему так убивалась из-за развода с мужчиной, который меня предал, но, наверное, пять лет совместной жизни – крепкая привычка. По крайней мере, боль уже не обжигала, а лишь неотвязно ныла.

Переехать пришлось ещё и из-за денег. Вопрос с разделом имущества всё ещё не был решён, а богатая родня бывшего мужа из кожи вон лезла, лишь бы мне не досталось ни гроша. Он, правда, сделал одно исключение: предложил оплатить аренду за полгода и даже порекомендовал этот коттедж в Литл-Таттерфорде. По его словам, коттедж посоветовал коллега, но я подозревала, что на этот жест показной щедрости его скорее надоумили дорожные юристы, а вовсе не остатки нежных чувств ко мне.

Я погрузила в фургон весь свой нехитрый скarb и поехала в австралийский провинциальный городок Литл-Таттерфорд. Если верить интернету, там жило меньше четырёх тысяч человек. Ничего себе перемена после пятимиллионного Сиднея.

Я улыбнулась при мысли о новом доме: до него отсюда было рукой подать, хотя за рошцей эвкалиптов его не было видно.

Поселиться мне предстояло в уютном коттедже с одной спальней. Он был куда меньше моего прежнего дома, зато в нём не было бывшего мужа – несомненный плюс. Такие дома называли викторианскими шахтёрскими коттеджами; обычно они были довольно милы, каждый со своим характером. Мне сказали, что в моём есть открытый камин в гостиной, а сам коттедж стоит в углу большого участка, принадлежащего женщине по имени Крессида Апторп.

Всего в двух шагах от коттеджа стояло ещё одно здание – большой двухэтажный дом, где Крессида держала пансион.

День клонился к вечеру. Солнце висело низко над горами у самого горизонта и отбрасывало на землю узкие тени. Я обернулась к своему новому фургону и полюбовалась надписью, нанесённой аэрографом на борт: «Мобильный груминг Сибил». Название, как я прекрасно понимала, не блистало ни остроумием, ни оригинальностью, зато будущие клиенты сразу поймут, чем я занимаюсь.

Я открыла дверцу фургона и оглядела свои скромные пожитки, стараясь не думать о том, что в двадцать семь уже успела развестись и сбежать в провинцию от прежней жизни. После переезда я оказалась ещё дальше от матери и понятия не имела, сколько теперь отделяло меня от сестры Файто, преподававшей в Эль-Айне, в Объединённых Арабских Эмиратах.

Свежий прохладный воздух резко отличался от влажного прибрежного климата, который я оставила позади: там куртка была скорее модным аксессуаром, чем необходимостью. Немногие листья, ещё державшиеся на ветках, окрашивали пейзаж в красные и золотые тона, словно повторяя краски австралийского заката над пыльным горизонтом. «Это новое начало, – напомнила я себе. – Спокойная жизнь и возможность всё начать с чистого листа».

Мне не терпелось обжиться в коттедже, хотя впереди маячило нешуточное дело: всё распаковать и расставить по местам. В Сиднее вещей у меня вроде бы было немного, но по дороге они каким-то образом размножились.

Надо было ещё купить продуктов, но сейчас было не до того. После выходных я собиралась доехать до городка, припарковаться на главной улице, проходившей через центр Литл-Таттерфорда, и взяться за поиски клиентов. По пути сюда я уже проезжала по ней и приободрилась: насчитала не меньше двенадцати человек, выгуливавших собак.

Но сначала следовало представиться Крессиде Апторп и забрать ключи. После нашей оживлённой переписки по электронной почте и множества телефонных разговоров мне было любопытно, насколько настоящая Крессида похожа на ту, какой я её вообразила: невысокую и пухлую, с седыми волосами, туго стянутыми назад, добродушную, но явно с чужинкой.

Солнце опускалось всё ниже. Пока я шла по гравийной дорожке к пансиону, поднялся колючий ветер. На полпути я пожалела, что не прихватила пальто потеплее. Горная погода оказалась куда суровее, чем я ожидала. Я ускорила шаг, сунула руки глубже в карманы и подняла глаза к деревьям. То тут, то там от ветки отрывался лист и лениво плыл к земле – щемящее напоминание о том, что осень уступала место зиме.

Впереди громадой возвышался пансион, словно декорация к готическому фильму. Я невольно поёжилась.

– Скорее Мэндерли из «Ребекки», чем что-нибудь из «Гордости и предубеждения», – пробормотала я себе под нос.

Я остановилась у гранатового дерева, удивившись, что в горах в это время года оно ещё плодоносило. Рука сама потянулась к одному из блестящих красных плодов, но я вовремя опомнилась. Неужели, отведав этот плод, я, подобно Персефоне, навеки окажусь привязана к этому месту: она – к Аиду, я – к Литл-Таттерфорду? Меня охватило странное чувство.

Я отмахнулась от этих фантазий – сказывалось моё давнее увлечение греческой мифологией – и пошла дальше по дорожке.

Пансион оказался внушительным деревянным зданием с величественными каменными вставками и ажурным белым железным кружевом на всех балконах. На этом его достоинства заканчивались. За внешней элегантностью скрывались запустение и мрак. Я бы ничуть не удивилась, узнав, что его использовали на съёмках как дом с привидениями.

Я поднялась по скрипучим деревянным ступеням на крыльцо и уже собиралась постучать, когда дверь вдруг с силой распахнулась. Я оказалась лицом к лицу с женщиной, которая могла быть только Крессидой Апторп. Она и вправду оказалась невысокой – единственное, в

чём я угадала. Худа как жердь; ярко-рыжие волосы подстрижены в каре, которое, возможно, считалось модным в шестидесятые. На носу сидели огромные очки в красной оправе, а косметики на лице было столько, что оставалось лишь удивляться, как под этой тяжестью голова ещё держалась на плечах.

Не успела я даже поздороваться, как она сунула мне в руки большую сумку из крокодиловой кожи и выпалила:

– Возьмите! У нас тут убийство!

Глава 2

Не успела я толком осмыслить случившееся, как машина Крессиды Апторп уже неслась прочь по гравийной подъездной дорожке. За ней взметнулось облако пыли и медленно оседало в сухом дневном воздухе.

Я так и стояла, прижимая к себе сумку из крокодиловой кожи; голова шла кругом. Убийство? В этом тихом провинциальном городке? Должно быть, произошла какая-то ошибка.

– Позвольте, вы, должно быть, госпожа Поттс? – раздался с порога чёткий, породистый, совершенно английский голос.

Я обернулась. На пороге стоял высокий дородный джентльмен и разглядывал меня с вежливым любопытством.

– Боюсь, вы пожаловали в весьма неподходящий момент.

– Это ещё мягко сказано, – отозвалась я, всё ещё не придя в себя. – Да, я Сибил Поттс. Можете звать меня Сибил.

– Мистер Баттонс, к вашим услугам, – произнёс он с лёгким поклоном. – А меня зовите мистером Баттонсом. Я один из здешних постоянных жильцов.

Выглядел мистер Баттонс внушительно. Волосы лежали волосок к волоску. На нём были безупречно отглаженные сорочка и брюки, а туфли блестели так, что я почти ожидала увидеть в них собственное растерянное отражение. В австралийском буше он смотрелся определённо не к месту.

– Мистер Баттонс, – начала я, пытаюсь собраться с мыслями, – госпожа Апторп что-то сказала про убийство. Что же здесь происходит?

Он тяжело вздохнул, снял очки и принялся протирать их белым шёлковым платком.

– Боюсь, у нас тут небольшой переполох. Видите ли, произошёл инцидент. Пожалуй, вам лучше пройти в дом.

Я последовала за ним в дом. После уличного тепла внутри было поразительно прохладно. Холл был величественным, хотя и слегка обветшалым; богато украшенная лестница плавным изгибом поднималась на второй этаж. Мистер Баттонс подвёл меня к одной из боковых дверей, на которой было наспех выведено: «Не входить».

– Должен вас предупредить, – сказал он, взявшись за старую латунную дверную ручку. – Зрелище может оказаться весьма неприятным.

С этими словами он открыл дверь. Комната была загромождена роскошной антикварной мебелью и старинной стеклянной посудой, но мой взгляд сразу приковала пара босых ступней, торчавших из-за края большого стола.

– Вот он, – без особой нужды произнёс мистер Баттонс, указывая на тело.

– Боже мой, – выдохнула я, чувствуя, как бешено колотится сердце. – Это...?

Мистер Баттонс серьёзно кивнул.

Я собралась с духом и подошла ближе, обогнув стол, чтобы лучше рассмотреть.

Покойный был мужчиной средних лет – лысым, но с густыми белыми усами. На нём были только синие трусы-боксеры и белая майка. Глаза были закрыты, и если бы не неестественная неподвижность, можно было бы подумать, что он просто спит.

– Какой ужас, – проговорила я едва слышно. – Но... мы уверены, что это убийство? Вид у него такой мирный.

Я обошла тело, стараясь ничего не задеть. Подняв глаза, я увидела, что мистер Баттонс поправляет столовое серебро.

– А вам точно стоит это трогать? – спросила я.

Он приподнял тонкую чёрную бровь.

– Здесь ужасный беспорядок.

– Это может оказаться местом преступления. Во всех этих полицейских сериалах только и твердят: на месте преступления нельзя ничего трогать.

Мистер Баттонс озадаченно посмотрел на меня.

– Место преступления? Вы уверены? Из спины у него не торчит нож, да и следов борьбы нет. – Он почесал подбородок. – Я знаю, что Крессида сказала вам об убийстве, но у милой дамы, надо признать, несомненный талант к драматическим эффектам.

Я уже собиралась спросить, кто жертва, но мистер Баттонс продолжал:

– Тим Хиггинс был одним из наших постояльцев. Он был вполне приятным джентльменом и держался особняком, но, полагаю, восхищался Крессидой чуть больше, чем следовало. Мистеру Хиггинсу было всего около пятидесяти, однако он уже давно чувствовал себя неважно. Я вполне уверен, что он умер своей смертью.

– Пусть это решает полиция. – Я выразительно покачала головой.

– В таком случае, полагаю, приводить тело в порядок я не стану, – произнёс мистер Баттонс с явным разочарованием. И всё же он поднял упавший серебряный подсвечник и поставил его ровно.

– Но почему госпожа Апторп просто не позвонила в полицию? – спросила я.

– Блейк Уэсли живёт за углом – он и есть вся здешняя полиция. На постоянной службе здесь только Блейк и один констебль.

Я удивилась. Впрочем, Литл-Таттерфорд был маленьким городком.

Из тёмного угла ко мне важно вышел упитанный серо-белый кот и мяукнул. Я наклонилась, дала ему обнюхать руку, а потом ласково почесала ему макушку.

– Лорд Фаррингдон, – с нежностью произнёс мистер Баттонс.

Пока мистер Баттонс поправлял ряд антикварных ваз, я заметила нечто странное. Лицо покойного было неестественно красным. В воздухе чувствовался слабый, но отчётливый запах – знакомый и всё же здесь неуместный.

Мистер Баттонс снял соринку со спины лорда Фаррингдона.

– Его беспокоило сердце, поэтому он изо всех сил старался придерживаться диеты. О покойных дурно не говорят, но, полагаю, в соблюдении диеты он не слишком преуспел.

Я снова бросила взгляд на тело. Толстым он не был, но подтянутым его точно было не назвать: из-под майки выглядывал заметный живот. Он был совершенно лысым, зато щеголял густыми белыми усами.

Я нахмурилась.

– Крови нет, ничего такого, – заметила я. – Следов борьбы, как вы и сказали, тоже нет, однако столовое серебро опрокинуто.

– Возможно, у него случился сердечный приступ, и он, падая, взмахнул рукой, – предположил мистер Баттонс. – В последнее время он и правда чувствовал себя неважно. Да и вёл

себя довольно странно: у него кружилась голова, сознание путалось. Он часто не приходил к столу. К тому же нередко разгуливал вот так, в одном белье, хотя на дворе было уже далеко не утро. Весьма непристойно.

Я нахмурилась.

– Говорите, у него кружилась голова и путалось сознание?

Я ещё раз взглянула на покойного. Лицо и правда было ярко-красным. Похоже, всё сходилось.

Я опустилась на колени, склонилась над мужчиной и осторожно принюхалась у самого рта. Явственно пахло горьким миндалём.

– Цианид, – объявила я.

Глава 3

– Цианид? – переспросил мужской голос.

Я подняла голову. В комнату стремительно вошла Крессида Апторп, а следом за ней – мужчина лет тридцати, не больше. Я сразу отметила, что он хорош собой: коротко стриженные каштановые волосы, пронзительные голубые глаза. Даже серьёзное выражение лица не скрывало ямочки на правой щеке. В простой футболке и джинсах он больше походил на случайного посетителя, чем на полицейского. И пистолета при нём, как ни странно, не было. Встреть я его где-нибудь ещё, ни за что не догадалась бы, что передо мной полицейский.

Но разглядывать его дальше было некогда: он резко приказал:

– Оба отойдите от тела!

Мистер Баттонс взял меня под руку, и мы отступили к стене, где остановились перед огромной картиной в золочёной раме.

Мужчина присел на корточки и осмотрел тело.

– Что вы можете рассказать о нём, мистер Баттонс?

Я заметила, что госпоже Апторп он этого вопроса не задал. И явно не случайно.

– В последнее время он чувствовал себя неважно: голова кружилась, мысли путались – и всё в таком роде.

Полицейский кивнул.

– Я вызову врача.

– Врача? Но он же мёртв! – вырвалось у меня.

Мужчина повернулся ко мне.

– Врач осмотрит тело и определит, умер ли он естественной смертью.

Я покачала головой и шагнула вперёд.

– Но у него изо рта пахло цианидом.

Полицейский прищурился.

– Вы это уже упоминали. – Он наклонился и глубоко втянул воздух. – Я ничего не чувствую.

Я подавила желание закатить глаза.

– Это генетическая особенность. Что бы там ни показывали по телевизору, лишь небольшой процент людей способен уловить характерный для цианида запах горького миндаля.

Полицейский оглядел меня с головы до ног, словно я была каким-то особенно странным насекомым.

– И откуда вам это известно? Цианид не продаётся на каждом углу – нельзя просто зайти в магазин и купить его. – В его голосе слышались недоверие и едва прикрытое пренебрежение.

– Мой бывший муж – инженер-химик, – ответила я, изо всех сил стараясь говорить ровно. – Он работает в одной из горнодобывающих компаний и занимается производством цианида натрия.

Полицейский снова посмотрел на меня.

– И вы хотите сказать, что чувствуете его запах?

Я кивнула.

– Никогда о таком не слышал. – Он выпрямился. – Так это вы будете снимать здешний коттедж?

Я снова кивнула.

– Да. Я Сибил Поттс.

– Сержант Блейк Уэсли, – представился он, скрестив руки на груди. – Так, всем выйти из комнаты. Из дома не уходите, пока я не возьму у вас показания. Подождите в столовой, а я пока оцеплю место происшествия.

Я вышла вместе с остальными. Кот увязался следом. Я подхватила его на руки, прижала к себе и свободной рукой погладила по спине.

– Весьма любопытно, – заметил мистер Баттонс на ходу. – Вы распознали яд по запаху?

Я кивнула.

– Да, этот запах я ни с чем не спутаю.

– Моя сумка!

Госпожа Апторп развернулась и поспешила обратно в прихожую. Вернулась она с сумкой на плече и связкой ключей, позвякивавшей в руке.

– Вот, Сибил, держите. Вот это у вас первый день выдался, правда? Будьте осторожны. И когда захотите, можете поужинать вместе с нами. Зимой мы ужинаем в половине шестого, а летом – в шесть.

– Спасибо, – пробормотала я, гадая, не поздно ли ещё передумать насчёт аренды. Я приехала в Литл-Таттерфорд в поисках тишины и покоя, но пока встретила лишь чудачества да грубость. Я уже наклонилась, собираясь выпустить кота, но госпожа Апторп остановила меня.

– Будьте добры, вынесите лорда Фаррингдона на улицу, Сибил. Он говорит, что крайне расстроен этим прискорбным происшествием.

Я моргнула – наверняка ослышалась. Неужели Крессида и правда считала, будто кот с ней разговаривает?

По дороге к парадной двери я увидела, как Блейк Уэсли и полицейский в форме натягивали вокруг двери кладовой жёлто-чёрную ленту с надписью «Место преступления. Вход запрещён».

– Я опрошу троих жильцов, нашедших тело, – сказал сержант Уэсли полицейскому в форме. – Подождите, пожалуйста, у двери, пока не приедут криминалисты.

Полицейский кивнул, но выглядел раздражённым.

– У нас при участке в Сиднее была своя криминалистическая группа, – проворчал он.

Сержант Уэсли вздохнул.

– Да, было бы неплохо. Но ближайшая группа – в Тамуэрте, в пятидесяти минутах езды отсюда.

Я усадила мурлычущего кота на стоявший снаружи стул и плотно закрыла дверь. Обернувшись, я оказалась лицом к лицу с сержантом.

– Что вы здесь делаете? Вам же велено ждать в столовой. – В его голосе слышалось явное неодобрение.

– Госпожа Апторп попросила меня вынести кота, – объяснила я, с досадой слыша, как оправдываюсь.

Сержант Уэсли прищурился и кивнул в сторону коридора. Я поспешила прочь, чувствуя себя провинившейся школьницей. К счастью, меня ждал мистер Баттонс.

– Столовая сюда, – сказал он. – Дом строился без всякого плана – здесь немудрено заблудиться.

«Без всякого плана» – это ещё мягко сказано. У меня нашлось бы несколько других определений – и ни одного приличного.

Пока мы шли, я осматривалась. Тускло освещённый коридор был оклеен кричаще-розовыми обоями в белый цветочек. По стенам вкривь и вкось висели картины в мрачных чёрных рамках: яркие пейзажи перемежались странными сценами. На одной юная женщина сжимала единственную ярко-алую розу и плакала кровавыми слезами.

– Работы самой Крессиды Апторп, – пояснил мистер Баттонс, указывая на картину, где парусник разбивался о скалы, а пассажиры падали за борт.

– О да, они весьма... э-э... своеобразны, – пробормотала я.

У второй двери слева мистер Баттонс тихо усмехнулся, открыл её и жестом пригласил меня войти.

В комнате стоял ледяной холод, и я поплотнее запахнула пальто. Все предупреждали, что в Литл-Таттерфорде холодно, но я и представить не могла, насколько. После солнечного побережья я оказалась вовсе не готова к пронизывающему холоду. Зима ведь ещё даже не началась, а я и без того её не любила. Но холод на улице меня не смущал, если можно было вернуться в тёплый дом. Этот же огромный дом, выстроенный без всякого плана, теплом не баловал, и я сильно сомневалась, что в моём коттедже будет теплее.

Мне отчаянно не хватало тепла – и в прямом, и в переносном смысле. Оставалось надеяться, что эта беспросветная зима в душе скоро уступит место долгожданной весне.

Мы вошли в просторную столовую, загромождённую как попало расставленным антиквариатом. В одном углу, под окном, стояла выцветшая зелёная двухместная кушетка. У противоположной стены стоял внушительный комод из красного дерева, а рядом с ним притулилось потрёпанное кресло с откидной спинкой. В центре комнаты господствовал длинный полированный обеденный стол из вишнёвого дерева. Я прикинула, что за ним легко разместятся двадцать гостей.

Мистер Баттонс подошёл к столу и сел, а я устроилась напротив. Пыли на самом столе не было, однако слабые солнечные лучи, с трудом пробивавшиеся сквозь маленькое окно, высвечивали пылинки, висевшие в воздухе. Затхлый запах не исчез и здесь, и мне ужасно хотелось настезь распахнуть все окна и впустить свежий воздух.

Крессида Апторп заглянула в комнату, затем вошла и заняла место за столом.

– Я подслушивала, о чём говорят полицейские, – с гордостью объявила она, взмахнув обеими руками.

Я воспользовалась случаем, чтобы рассмотреть её получше. Ярко-рыжие волосы и огромные красные очки невозможно было не заметить, но теперь я разглядела и длинное синее бархатное платье, отделанное золотой парчой. Уж не работала ли она когда-нибудь в театре? Слишком уж заметна была её страсть к эффектным жестам.

Не зная, как реагировать на признание в подслушивании, я спросила:

– И сколько здесь сейчас полицейских?

– Всего двое, – ответила Крессида. – Блейк Уэсли возглавляет участок Литл-Таттерфорда. По штату полагаются два констебля, но один на больничном и уже не вернётся. А Гордон – новичок и работает здесь временно. Блейк сменил прежнего сержанта, Колина, который, к несчастью, умер от сердечного приступа прямо за бургером в местном пабе. Блейк всё ещё привыкает работать с Гордоном: тот приехал из города и не слишком понимает наши местные порядки. Представьте себе, на днях Гордон выписал местному фермеру штраф за то, что тот переехал дорогу общего пользования, чтобы попасть из одного загона в другой, – лишь потому, что у него не было прав!

Я кивнула, тщетно пытаясь переварить этот поток сведений. Голова уже шла кругом.

– И что же вы услышали? – с живым интересом спросил мистер Баттонс, подавшись вперёд. Стул под ним зловеще скрипнул. Я невольно подумала, выдержит ли старый стул – или мистер Баттонс вот-вот окажется на полу.

Крессида на миг помрачнела.

– Что ж, Сибил, боюсь, сержант Уэсли сказал констеблю Гордону, что вы весьма хорошенькая, но при этом неуравновешенная. По его словам, вы прекрасно впишетесь в компанию остальных эксцентричных обитателей пансиона «Апторп-хаус».

Мистер Баттонс ахнул.

– Какая неслыханная грубость! А мне он показался весьма приятным молодым человеком. Пойду заварю нам хорошего чаю.

Когда он ушёл, я помассировала виски, пытаюсь унять подступавшую головную боль. И зачем только я сюда переехала?

– Ещё он сказал, что человек вообще не может учуять цианид и что эта способность уж точно не может быть генетической, – продолжала Крессида, не замечая моего состояния. – Но сейчас ему некогда об этом думать.

Я молча кипела, подавляя желание вернуться на место преступления и высказать этому самодовольному полицейскому всё, что о нём думаю. Как он смеет называть меня неуравновешенной!

Крессида между тем продолжала:

– Блейк вызвал криминалистов и детективов, но они приедут не раньше чем через пятьдесят минут. – Она помолчала и улыбнулась. – Гордон ужасно недоволен, что криминалисты так далеко. Без конца повторяет, что на прежнем участке в Сиднее у них была своя группа. Думаю, Блейку с ним ещё придётся нелегко. Городские умники! – презрительно добавила она.

В этот момент в комнату торопливо вошла женщина и, даже не взглянув на меня, обратилась к Крессиде:

– Госпожа Апторп, что случилось? Почему здесь полиция?

Крессида вскочила.

– Садитесь, Элисон. – Она почти силой усадила женщину на ближайший стул. – Боюсь, у меня ужасные новости. Мистер Хиггинс скончался! Он мёртв!

– Тим? – Элисон схватилась за горло. – Что случилось? Он мёртв?

Крессида метнулась к высокому кедровому шкафу, сдвинула в сторону жутковатых викторианских фарфоровых кукол, восседавших наверху, и с театральным жестом извлекла коробку бумажных платков. Несколько смятых платков она сунула женщине в руки.

– Полиция считает обстоятельства смерти подозрительными, – отчеканила она, выделяя каждое слово. – Я слышала, как Гордон сказал, что это, скорее всего, сердечный приступ, а Блейк ответил, что Гордон вполне может быть прав. Но точно сказать можно будет лишь после приезда криминалистов.

Я присмотрелась к Элисон и с облегчением убедилась, что на вид она вполне нормальна – хотя в этом доме ни в чём нельзя было быть уверенной. Ей было чуть за пятьдесят – примерно столько же лет, сколько Крессиде. Она была стройной и ухоженной. В отличие от театральной Крескиды, Элисон выглядела сдержанно. Её блестящие каштановые волосы были собраны в аккуратный хвост, а украшения, явно дорогие, были неброскими. Одна только золотая цепочка для карманных часов, висевшая у неё на шее, наверное, стоила несколько тысяч долларов. Моя бывшая свекровь любила рассказывать – вернее, хвастаться – сколько стоят её драгоценности и антиквариат.

Крессида продолжала нагнетать драму:

– Это может оказаться убийством!

Элисон нервно заломила руки.

– Бедный мистер Хиггинс в последнее время плохо себя чувствовал. Неужели полиция и правда думает, что тут дело нечисто?

В этот момент вернулся мистер Баттонс с чайным подносом. Он поставил на стол изящный бледно-зелёный чайник, четыре чашки с блюдцами, а также молочник и сахарницу в тон. Рядом с чашками он выложил в ряд маленькие треугольные сэндвичи, аккуратно срезав с них корочки.

– Огуречные сэндвичи, – объявил он. – Чай и огуречные сэндвичи неизменно поднимают настроение. – Он повернулся к Элисон. – Я видел, как вы спустились, и принёс чашку и для вас. Как ваша мигрень?

Элисон нахмурилась.

– Уже немного лучше, спасибо.

– А с Сибил вы уже знакомы? – продолжал мистер Баттонс.

Крессида внезапно поднялась.

– Прошу прощения, Элисон! Позвольте представить вам Сибил Поттс. Она будет снимать коттедж. Сибил, это Элисон Тёрнер, наша горничная.

Мы вежливо кивнули друг другу и негромко поздоровались.

– Я невольно подслушал полицейских, – заговорщицки произнёс мистер Баттонс, понизив голос. – Криминалисты только что прибыли. Когда все вошли в комнату, я постарался слышать их разговор.

– И? – нетерпеливо спросила Крессида.

Мистер Баттонс торжественно кивнул.

– Именно так. Блейк спросил, не могли ли Тима Хиггинса отравить.

Элисон ахнула, а Крессида жестом велела мистеру Баттонсу продолжать.

– Потом я услышал, как какой-то мужчина сказал, что некоторые яды оставляют явные следы. Судя по состоянию рта и горла, несколько вариантов можно исключить. Есть, оказывается, один особенно скверный яд: если его проглотить, он разъедает язык и горло. Но здесь ничего подобного не было. Мужчина спросил Блейка, есть ли у него на примете какой-то конкретный яд, и Блейк назвал цианид.

Элисон снова ахнула. Я не без удовлетворения отметила: сержант всё-таки принял моё наблюдение всерьёз, пусть лишь отчасти.

Крессида нетерпеливо взмахнула рукой.

– Ну же, мистер Баттонс, продолжайте. И что тот мужчина ответил?

Мистер Баттонс доел огуречный сэндвич и лишь тогда ответил:

– Я расслышал не всё, но, полагаю, он сказал, что понадобятся анализы. Ещё он упомянул, что цианид обычно довольно трудно обнаружить. Похоже, в вашей догадке всё-таки что-то есть, Сибил.

Элисон поставила чашку на стол.

– Что вы хотите сказать?

– Ах, вы же ещё не знаете! – воскликнула Крессида. – Сибил утверждает, что улавливает запах цианида. Оказывается, его способен почувствовать лишь небольшой процент людей. Ведь так, Сибил?

Я пожала плечами.

– Точного процента я не знаю, но да: эта способность обусловлена генетически, и обладают ею лишь немногие.

Элисон просто кивнула и отпила чаю.

Я добавила в чай ещё две ложки сахара и быстро съела огуречный сэндвич. Особенно вкусным он не был, но я умирала с голоду. Я как раз запихнула в рот второй сэндвич, когда открылась дверь. На пороге с мрачным видом стоял сержант Блейк Уэсли.

– На выход, госпожа Поттс. Сейчас же.

Глава 4

Я осторожно двинулась к двери столовой – туда, куда молча указал сержант Уэсли. Стоило мне переступить порог гостиной, как я тут же испытала сильнейшее дежавю. Как и во всех прочих комнатах этого странного дома, в воздухе тяжело висел затхлый запах, а все свободные поверхности были заставлены разномастным антиквариатом.

Я прислонилась к косяку, скрестила руки на груди, стараясь изобразить непринуждённость, которой и близко не чувствовала.

Из мыслей меня вывел голос сержанта: теперь он звучал заметно мягче.

– Садитесь, – сказал он, указав на два кресла.

Я пересекла заставленную мебелью комнату, осторожно обогнула подозрительно шаткий столик и опустилась в богато украшенное кресло, которое оказалось куда удобнее, чем выглядело. Сержант Уэсли уже сидел напротив, с раскрытым блокнотом и ручкой наготове.

– Я спросил у одного из криминалистов насчёт запаха цианида, который вы упомянули, – начал он; в голосе проскользнула виноватая нотка.

Я не удержалась от шпильки.

– И выяснили, что у меня всё-таки всё в порядке с головой и я не сочиняю небылицы, сержант Уэсли?

Упрёк в моём голосе слышался вполне отчётливо.

К моему удовлетворению, краска поползла по шее сержанта и залила лицо.

– Э-э... да, – признал он и откашлялся. – Прошу прощения за свой скептицизм. Раньше я не знал, что запах цианида способны различить лишь некоторые люди. Ваше наблюдение может оказаться бесценным: судмедэксперт сообщил, что анализ на цианид обычно не проводят. Если выяснится, что причиной смерти был именно он, благодарить за эту зацепку нам придётся вас.

– А теперь подробно расскажите обо всём, что произошло с вашего приезда сегодня днём, – продолжил Блейк. – Не упускайте даже тех подробностей, которые могут показаться вам незначительными.

Следующие пятнадцать минут я пересказывала сержанту Блейку Уэсли всё, что произошло после моего приезда. Старинные напольные часы в углу отмеряли ход моего рассказа мерным тиканьем – и их ровный ритм резко контрастировал с событиями, которые я описывала.

Когда я закончила, Блейк сообщил, что по приезде детективов мне придётся рассказать всё заново, а затем сказал, что я могу идти. Я встала; от долгого сидения ноги слегка затекли. По дороге к двери меня вдруг охватила растерянность: что теперь делать? Не так я представляла себе начало новой жизни в Литл-Таттерфорде.

Живот заурчал, напомнив, что я ничего не ела с самого начала пути. Прежде чем осматривать новый дом, стоило заняться обычными делами – съездить в город за продуктами. Так я не только раздобуду еду, но и немного освоюсь, а заодно, возможно, расскажу кому-нибудь о своём бизнесе – глядишь, заработает сарафанное радио. Во всяком случае, это поможет отвлечься от тревожных событий дня.

Едва я вышла на улицу, меня обжёг ледяной воздух – холод оказался куда злее, чем я ожидала. Почти всю жизнь я прожила в городе у самого моря и к суровой горной погоде оказалась совсем не готова. Надо будет при первой же возможности купить тёплый шарф и, пожалуй, шерстяную шапку.

Мысли путались, когда я забралась в фургон и поехала к центру города. Очаровательная главная улица, как вскоре выяснилось, была частью крупного шоссе, сужавшегося в пределах Литл-Таттерфорда. По обеим сторонам красовались милые витрины – чего нельзя было сказать о парковке задним ходом под углом.

Я мысленно поблагодарила судьбу, заметив три просторных места прямо перед продуктовым магазином – единственным в городе, насколько я могла судить. Загнать мой неповоротливый фургон на место для парковки задним ходом под углом я бы ни за что не сумела, особенно при непрерывном потоке машин.

Словно в подтверждение моих мыслей, машина с номерами другого штата – Квинсленда – чуть не столкнулась с автомобилем местного жителя, который как раз пытался припарковаться задним ходом.

Внутри магазин приятно удивил: чистый, светлый и куда просторнее, чем казалось снаружи. У входа стояли четыре кассы; три из них работали, хотя покупателей не было. Двое кассиров выглядели подростками – наверное, местные школьники подрабатывали после уроков. Третьим был пожилой мужчина с редкими чёрными волосами и приветливой улыбкой.

– Здравствуйте! – окликнул он меня. – Раньше я вас здесь не видел. Вы проездом?

– Вообще-то нет, – ответила я с лёгкой улыбкой. – Только что переехала.

Глаза его загорелись – он сразу понял, кто перед ним.

– А, так это вы сняли коттедж Крессиды Апторп?

Я кивнула и на миг задумалась: неужели хвалёное дружелюбие жителей маленьких городков – всего лишь вежливое название неутолимого любопытства? Желая поскорее начать покупки, я поспешила взять тележку из ряда у входа.

Я катила тележку по проходам и выбирала то, что считала предметами первой необходимости, – шоколад, мороженое, хлеб и молоко, – а сама размышляла, какой странный оборот приняла моя жизнь. Как я умудрилась сменить благополучное городское существование на роль новенькой в крохотном горном городке, который по совместительству оказался местом преступления?

Полчаса спустя я вернулась к кассам. Тележка была куда полнее, чем я рассчитывала. Из кассиров остался только пожилой мужчина.

– Всё нашли? – весело спросил он, пока я выкладывала покупки на ленту.

Я кивнула, готовясь к неизбежным расспросам.

– И какими судьбами вас занесло в наш уголок? – спросил он, ловко проводя товары через сканер.

– Развод, – коротко ответила я в надежде, что такая прямота отобьёт у него охоту расспрашивать дальше.

– А-а, развод. – Он понимающе кивнул, словно это всё объясняло. – Хороший у вас фургон. Скоро его и помыть не помешает – нам здесь позарез нужен дождь.

Пока он возился с товаром, штрихкод которого никак не считывался, я воспользовалась случаем сменить тему.

– У вас есть домашние животные? – спросила я. – Я занимаюсь выездным грумингом: в основном мою собак, но умею делать и некоторые выставочные стрижки.

Лицо мужчины просветлело.

– Вообще-то у меня дома живёт старый пёс. Жена вечно жалуется, что ей приходится его мыть. Пожалуй, и правда воспользуюсь вашими услугами.

Укладывая продукты в фургон, я спохватилась, что забыла несколько важных вещей, в том числе яйца и масло. Но возвращаться в магазин не хотелось; куплю завтра. Сейчас мне хотелось только одного: осмотреть новый дом, распаковать вещи, согреться, поесть и рухнуть в постель.

Но стоило мне вернуться к коттеджу, как все надежды на спокойный вечер разом испарились. Я ахнула – с языка едва не сорвалась целая вереница весьма неприличных слов. Фотографии, присланные бывшим мужем Эндрю, не имели ничего общего с тем, что предстало передо мной. Коттедж оказался не только гораздо меньше, но и куда более обветшалым, чем тот очаровательный викторианский домик шахтёра, который я ожидала увидеть.

Спереди участок огораживал старый покосившийся забор. До навеса для машины он не доходил; сам навес стоял отдельно от дома. К моему огорчению, его крыша оказалась слишком низкой для фургона. Придётся парковаться на улице.

Над коттеджем угрожающе нависал ржавый бак для воды, готовый, казалось, рухнуть от первого сильного порыва ветра. К баку прислонялась старая деревянная лестница, на которой не хватало почти всех перекладин. На вершине лестницы сидела австралийская сорока и смотрела так, словно откровенно меня презирала.

Задний забор зато был высоким и состоял из бледно-зелёных стальных панелей марки Colorbond. Эта модульная система, как мне казалось, выросла из австралийской любви к гофрированному железу. Вот это уже плюс. Я уже мечтала обжиться и приютить собаку. Но сперва надо было забрать у Эндрю моего какаду Макса.

Бывший муж упорно отказывался отдавать нашего жёлтохохлого какаду. Я знала, что Эндрю будет как следует заботиться о Максе, но никак не могла отделаться от ощущения, что птицу он удерживает исключительно из вредности. Макса я вырастила сама: ещё птенцом он выпал из гнезда и сломал крыло. За эти годы я научила его более чем двумстам словам и всегда следила, чтобы при нём звучали только самые вежливые выражения. Меня передёргивало при мысли о том, чего он нахватается теперь.

По пути к двери я осмотрела то, что осталось от сада. Зима была не за горами; стебли роз стояли голыми, и я не могла понять, живы они или уже погибли. Даже местные каллистемоны, прозванные за форму соцветий «бутылочными щётками», выглядели неважно, хотя обычно выдерживали долгие и суровые засухи.

Коттедж был выцветшим серым, почти белым. Окно справа обрамляли сломанные ставни; у такого же большого окна слева ставен не было вовсе. Из-за этого фасад выглядел странно кособоким.

Я прошла по короткой дорожке, распахнула дверь с москитной сеткой и повернула ключ в замке. Деревянная дверь со скрипом открылась, а я приготовилась к худшему.

К моему огромному облегчению, первое, что бросилось в глаза, – чистота. Бледно-серые стены, похоже, недавно покрасили; с ними приятно контрастировали белые глянцевые наличники дверей и окон. Коттедж я сняла с мебелью и теперь принялась изучать пёструю обстановку.

Мебель была явно современной, стилизованной под старину: отделка под золото, разномастные пледы и подушки. К счастью, в отличие от захламлённого пансиона, здесь мебели было немного. Несколько удачно подобранных пледов, утешила я себя, скроют самое страшное.

Я поправила плед на особенно кричащем вишнёво-розовом бархатном кресле, закрыв им почти все деревянные части, выкрашенные под золото. Потом мне на глаза попался старый

кожаный диван. Откинув унылый бежевый плед и убрав пожелтевшие подушки, я обнаружила длинные разрывы в обивке. Значит, нужны пледы поярче и подушки посимпатичнее – они всё замаскируют.

Кухня приятно удивила: для такого маленького коттеджа она оказалась на удивление просторной и, похоже, недавно отремонтированной. Белые плитки ярко блестели в угасающем дневном свете; столешницы, кажется, сделали из бамбука. Всё остальное сияло безупречной белизной.

С облегчением я услышала ровное гудение холодильника и убедилась, что внутри как следует холодно. Крессида, при всей своей эксцентричности, сдержала обещание включить его до моего приезда.

Я поёжилась: в доме, пожалуй, было холоднее, чем в холодильнике. Я подошла осмотреть камин: он оказался чистым и готовым к растопке. Дрова входили в стоимость аренды, но кубики для розжига я купить забыла. Сил и нервов на поиски растопки во дворе уже не осталось, так что я от души обрадовалась плетёной корзине с аккуратно сложенными дровами у камина.

Дымоход, к счастью, недавно чистили; следов обосновавшихся в нём поссумов не было. В шкафчике под кухонной мойкой нашлись коробок спичек и бутылка керосина. Я выбрала самые маленькие поленья, аккуратно уложила их в камин и щедро полила керосином. Потом отступила подальше, чиркнула спичкой и бросила её на дрова.

Огонь вспыхнул с громким «вух!», одновременно напугав и обрадовав меня. Способ был далеко не самым безопасным, поэтому я мысленно поклялась завтра купить нормальные кубики для розжига и набрать растопки. А пока оставалось радоваться тому, как по комнате разливается тепло.

Немного поколебавшись, дым всё-таки пошёл в трубу, а не в комнату. Как закрывать заслонку, я понятия не имела, так что решила: пусть огонь разбирается сам.

Ванная оказалась крошечной, но вполне пригодной. На подоконнике сидели две симпатичные зелёные лягушки и с любопытством смотрели на меня. Я подавила дрожь, вспомнив истории, которые прежде считала шутками: будто стоит спустить воду в сельском туалете – и из унитаза выскакивают лягушки. Может, правды в этих рассказах было больше, чем я думала.

Не успела я опуститься на старый, но на удивление удобный диван, как резкий стук в дверь положил конец относительно покою. Подавив стон, я с трудом поднялась и поплелась к входу.

На пороге стояли двое мужчин с серьёзными лицами.

– Добрый вечер. Сибил Поттс? – спросил тот, что повыше, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я детектив Андерс, а это детектив Джонстон.

Его спутник коротко кивнул.

– Полагаю, прибывшие на место сотрудники предупредили вас, что мы захотим поговорить с вами сегодня вечером?

Я кивнула, догадавшись, что под «прибывшими сотрудниками» он подразумевает сержанта Уэсли и констебля.

– Разрешите войти? – спросил детектив Андерс, хотя по тону было ясно: вопрос чисто формальный.

Я проводила их в тесную гостиную. Детектив Андерс сел напротив меня, а детектив Джонстон устроился как можно ближе к камину, спиной к огню.

– Итак, – начал Андерс, раскрыв блокнот, – я хотел бы услышать вашу версию событий.

Я нахмурилась: мне не понравился его выбор слов. Фраза «ваша версия событий» звучала так, словно я не свидетельница, а подозреваемая. И всё же я снова пересказала, что произошло днём, то и дело прерываясь, чтобы подавить зевок.

Андерс снова и снова спрашивал, знала ли я жертву, и это раздражало меня невероятно.

– Объект экспертизы заберут государственные подрядчики. – Он помолчал и, должно быть, заметив моё недоумение, пояснил: – То есть тело – после того как криминалисты закончат осмотр. Мы обязаны обеспечить непрерывность цепочки хранения и документирования объекта экспертизы.

После этого загадочного заявления детективы наконец удалились. Измученная, но неспособная расслабиться, я подбросила в огонь ещё одно полено и поворошила дрова кочергой, пока пламя не заплясало.

Я снова опустилась на диван, покачала головой и так долго смотрела на раскалённые угли, что едва не уснула.

И всё это – в мой первый день в городе. Ну и денёк. Веки наливались тяжестью. Не может же стать ещё хуже?

Глава 5

Яркий утренний свет лился в окно спальни, и вчерашние события уже казались всего лишь дурным сном. Я спала крепко, разве что раз-другой проснулась от возни на крыше. По крайней мере, я надеялась, что там возились поссумы. Уж больно шум напоминал шаги – тяжёлые, от которых крыша скрипела и стонала.

Я постаралась выбросить неприятные воспоминания из головы. Найти труп в первый же день в новом городе – не совсем то начало, на которое я рассчитывала. Именно сегодня, твёрдо решила я, официально начнётся моя новая жизнь. Я не позволю ни трупам, ни гигантским поссумам, ни странным людям, ни грубым полицейским омрачить моё новое начало. Я добыю своего.

Стоило мне выбраться из постели, как ледяные половицы под ногами разбудили меня лучше любого будильника. Я взвизгнула и запрыгала с ноги на ногу, разыскивая тапочки. В комнату тянуло резким, лекарственным запахом эвкалипта. Совсем не так пах привычный мне городской воздух: морской бриз приносил запах соли и водорослей.

И всё же, несмотря на вчерашнее, я чувствовала лёгкое волнение. Да, вчерашний день обернулся полной катастрофой, но сегодня всё могло быть лучше. Должно было быть. Надо было дать Литл-Таттерфорду честный шанс. В конце концов, ради переезда сюда я отказалась от всего: продала мебель, упаковала всю свою жизнь в несколько коробок и много часов провела за рулём, чтобы начать заново в городке, где не знала ни души.

Я выглянула из окна гостиной в туманное утро. Над пастбищами низко стлался туман, смягчая очертания и придавая всему вокруг почти неземной вид. Я приехала сюда, чтобы начать всё заново – оставить прежнюю жизнь позади и стать другой. Что бы ещё ни подкинул мне Литл-Таттерфорд, я справлюсь. Что тут может быть сложного?

Не зарекайся, подумала я с усмешкой.

Я кивнула сама себе. Пора браться за дело. Моя новая жизнь сама себя не начнёт. Мне предстояло налаживать бизнес, обживаться в коттедже и, судя по всему, держаться подальше от расследования убийства – во всяком случае, если констебль Райт добьётся своего.

Я порылась в пакетах с продуктами в поисках пакетика овсянки для микроволновки. Когда приходится жёстко экономить, быстро привыкаешь питаться чем попало, но после недели на лапше, тостах с «Веджимайтом»¹ и фастфуде мне отчаянно хотелось нормальной домашней еды. Овсянку я взяла самую дешёвую, под маркой самого магазина, но до первых клиентов и первых заработков придётся довольствоваться ею.

¹ Веджимайт – солёная дрожжевая паста для бутербродов, культовый австралийский продукт. – Прим. пер.

Обставленный коттедж казался настоящим убежищем – и правда хорошее начало, особенно если учесть, что ради фургона мобильного груминга я продала всё. Каждый предмет мебели, каждый бытовой прибор – всё пошло на новое дело. Фургон был вложением в будущее, моим билетом к финансовой независимости.

Кофеварка фыркала и шипела, пока я шлёпала к фургону за оставшимися сумками. К моему удивлению, у двери лежала свёрнутая газета с приклеенным ярко-жёлтым стикером: «Подумал, что вам захочется почитать местные новости. Надеюсь, вы понемногу обживаетесь. С наилучшими пожеланиями, мистер Баттонс».

Я улыбнулась, тронутая таким вниманием. Как заботливо со стороны мистера Баттонса. Газета словно приглашала меня почувствовать себя частью здешней жизни. И всё же мне было не совсем по себе от мысли, что соседи оставляют что-то у моей двери, пока я сплю. Всё лучше, чем если бы меня разбудили на рассвете, решила я, но к такому ещё предстояло привыкнуть.

Надо будет потом поблагодарить мистера Баттонса и привыкать к здешнему духу добрососедства – полной противоположности городской анонимности. В городе можно годами жить рядом с человеком и так и не узнать его имени. Здесь не успеешь распаковать чемоданы, а все уже знают о тебе всё.

С одной стороны, было, пожалуй, грустновато видеть, что весь мой мир уместился в нескольких коробках и чемоданах. С другой – во мне заговорила оптимистка: хотя бы целый день на распаковку не уйдёт. К тому же начинать новую жизнь проще без целого фургона вещей, за которыми тянулись тяжёлые воспоминания. Каждая оставленная вещь – одним напоминанием о прежней жизни меньше.

К тому времени, как я занесла всё внутрь, кофе был уже готов, а кофеварка всё ещё недовольно булькала, словно возмущалась, что её заставили работать после того, как она бог знает сколько простояла без дела. Я достала кофейную кружку – весёлую красную, с маленьким сколом на ручке – и отыскала пакетики с сахаром. Я приготовилась к приятному завтраку – ну, настолько приятному, насколько это вообще возможно с овсянкой из микроволновки.

С пакетиком овсянки в руке я с опаской оглядела микроволновку. Казалось, она лишь чудом пережила восьмидесятые. Ручки и кнопки выглядели откровенно винтажными, и я не очень-то понимала, какая за что отвечает.

Я высыпала овсянку в миску, добавила полчашки воды, поставила в микроволновку и нажала, как мне хотелось верить, нужные кнопки, выставив пятьдесят секунд. Не отойти ли подальше? Прибор выглядел не слишком надёжным. Древняя микроволновка тревожно загудела и зажужжала – ни один современный прибор не должен издавать такие звуки. Не удивилась бы ни искрам, ни дыму.

К счастью, микроволновка со своей задачей справилась, хотя овсянку пришлось греть ещё раз: после первой попытки она местами осталась холодной – с одного края слиплась в комки, а с другого почему-то так и осталась сухим порошком. Ничего, сойдёт. Обычно на завтрак я ела кукурузные хлопья, но сегодня хотелось чего-нибудь тёплого и домашнего. Пусть овсянка вышла неидеальной, для первого настоящего утра в новом доме она вполне подходила.

Я развернула газету. Бумага шуршала, ложка позвякивала о миску – эти обычные утренние звуки успокаивали. На мгновение мне почти удалось притвориться, будто вчера ничего не случилось.

Покой продлился недолго. Я напряглась: всю первую полосу занимали фотографии и заголовки о вчерашних событиях. Заголовок гласил: «Местный житель найден мёртвым при подозрительных обстоятельствах». На одном снимке был пансион, на другом, поменьше, – как мне показалось, Тим Хиггинс; правда, фотографию сделали, похоже, несколько лет назад.

Воспоминание вернулось без спроса – яркое, навязчивое. Тело в кладовой. Взгляд сержанта Уэсли, полный едва скрываемого подозрения, когда я пыталась всё объяснить.

Я закрыла глаза и медленно, размеренно вдохнула. Вдохнуть носом, задержать дыхание, считая до четырёх, выдохнуть ртом. При таких отчётливых воспоминаниях дыхательная техника казалась почти бесполезной, но я всё равно продолжала. Этому меня научил психотерапевт в самый тяжёлый период бракоразводного процесса, когда тревога грозила захлестнуть меня.

Я захлопнула газету чуть резче, чем следовало, и открыла глаза. Незачем заикливаться на вчерашнем, незачем снова и снова разбирать каждую деталь.

Я развернула газету на третьей странице, пропустила все дальнейшие материалы об убийстве и сосредоточилась на дорожных работах, благотворительной акции и чьём-то возмущении из-за украденных садовых гномов. Один из заголовков гласил: «Похититель садовых гномов снова в деле».

Я невольно улыбнулась: по сравнению с хаосом оставленного мной города это место казалось очаровательно провинциальным. После вчерашней драмы здешние заботы выглядели приятно обыденными. Жизнь продолжалась: людей всё ещё волновали дорожные работы, благотворительные акции и – да – даже украденные садовые украшения.

С новой решимостью я перешла к разделу вакансий. В идеале весь доход должен был приносить груминг: я хотела работать на себя, создать собственное дело с нуля, доказать, что могу добиться успеха без Эндрю и немалого состояния его семьи. Но, если смотреть правде в глаза, до появления постоянной клиентуры доходов от груминга не хватило бы на все расходы. Сбережений хватало на несколько месяцев, однако, если в городке не найдётся достаточно клиентов, придётся искать дополнительную работу.

Конечно, всё это перестанет иметь значение, когда я получу всё, что мне причитается при разделе имущества, но бывший муж всеми доступными ему способами затягивал дело – а возможностей у него было немало. На каждый запрос моего адвоката следовал встречный запрос, каждый документ ставили под сомнение, каждую оценку оспаривали. Мелочно и мстительно – ведь гонорары адвокатам давно обходились нам дороже самих спорных сумм. Но Эндрю всегда был упрям, а деньги его семьи позволяли ему оплачивать адвокатов, способных тянуть дело бесконечно.

Ничего подходящего в разделе вакансий не нашлось. Все вакансии были для работников на фермах: требовалась либо собственная пастушья собака, либо опыт работы на комбайне. Была ещё вакансия бухгалтера на полставки, но для неё требовалась квалификация, которой у меня не было.

Я по-философски пожала плечами. Мне повезло: денег на аренду, коммунальные услуги и самые необходимые продукты хватало ещё на несколько месяцев. По крайней мере, выбор у меня был.

Я не один месяц планировала собственное дело: изучала оборудование, рассчитывала стоимость услуг, разрабатывала рекламные материалы. За каждой страницей стояли часы работы – и надежда на будущее получше.

Я с лёгкой грустью провела пальцем по приклеенной к обложке фотографии Макса, моего жёлтохохлого какаду. Макс был великолепной белой птицей с роскошным жёлтым хохолком – как и полагалось жёлтохохлому какаду. Он поднимал его, стоило ему взволноваться или испугаться.

Эндрю заявил, что не может одновременно учиться и работать, и я взяла на себя все наши расходы. Я во многом себе отказывала. Два года ходила на работу в одних и тех же вещах, потому что денег на обновки в бюджете не было. Я даже пропустила важную встречу всей семьи, которую устраивали всего раз в пять лет: Эндрю сказал, что я должна выбрать – либо поехать туда, либо поддержать его во время экзаменов последнего семестра.

За все мои жертвы Эндрю отплатил изменами. Как потом выяснилось, не раз и не с одной женщиной. Я узнала о предательстве в тот день, когда мою смену неожиданно отменили и я

услышала, как он разговаривает по телефону с другой женщиной. Эндрю попытался свалить вину на меня. Конечно, сама виновата: вечно пропадала на работе.

В начале наших отношений, когда я ещё верила, что мы любим друг друга, я собиралась подписать брачный договор, который Эндрю предложил мне перед свадьбой. Его семья на этом настаивала, а сам Эндрю уверял: это всего лишь формальность.

Но однажды бессонной ночью мне, к счастью, пришла в голову тревожная мысль: а что, если через десять лет что-нибудь пойдёт не так и я останусь одна, без гроша? Я проконсультировалась с адвокатом и позаботилась о том, чтобы не остаться ни с чем, если брак распадётся. Эндрю пришёл в ярость: обвинил меня в недоверии и корысти, а потом несколько недель держался холодно и отчуждённо. Реакция была такой бурной, что я даже подумывала отменить свадьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.